

Краутман Виктория Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

v.krautman@mail.ru

Научный руководитель – И. С. Веселова, канд. филол. наук

ЧТО ТАКОЕ СКАЗКИ С «ПЛОХИМ КОНЦОМ» И ПОЧЕМУ ИХ НОРМАЛЬНО РАССКАЗЫВАТЬ ДЕТЯМ?

Ключевые слова: сказка, стереотип, сюжет, сборник.

В сознании наших соотечественников бытует стереотип о том, что сказки должны заканчиваться хорошо. Однако сказочные сборники прошлого века, которые не подвергались литературной обработке, содержат в себе множество совсем не «счастливых» сюжетов. В статье мы пытаемся разобраться, что собой представляют эти сказки и как складывается их судьба в более поздних сборниках для чтения.

Krautman Viktoriya

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

WHAT ARE THE FAIRY TALES WITH A «BAD ENDING»? WHY IS IT NORMAL TO TELL THESE STORIES TO CHILDREN?

Keywords: fairy tale, stereotype, plot, story-book.

In Russian people's mind, there is a stereotype that fairy tales should have a happy ending. However, the story-books of the last century, which had not undergone any kind of literary revision, are full of not nearly «happy-end-stories». In this article, we are going to figure out what these tales are and what kind of changes they have gone through in later story-books.

I

Наверняка многие замечали, что в сознании некоторых людей существует стереотип о том, что словом «сказка» называется история со счастливым финалом. Мы часто слышим фразы наподобие «словно в сказке» или «сказочная история», когда говорится о благоприятном развитии событий. Также часто можно услышать о непременно воспитательной роли сказок и то, что они адресованы детям. Логичным выводом из адресации детям кажется нашим современникам и счастливое окончание сказок, ведь детскую «неокрепшую психику» нельзя травмировать драмами с ранних лет.

Распространение такого стереотипа может быть объяснено разными причинами. Мы полагаем, что он обязан своим возникновением жанру педагогической литературы, точнее «книгам для детей». Этот жанр чтения распространился в системе общего образования, преимущественно в городской среде. Изучение фольклора было включено в школьную программу во второй половине XIX века (например, учебник В. И. Водовозова [Водовозов, 1868]) — в начале XX века (учебник В. В. Сиповского [Сиповский, 1906]). Занятия словесностью и детское чтение позволяли ученикам знакомиться с произведениями устного народного творчества, но уже не в устном бытовании, а в письменном, даже печатном и в специальной литературной обработке.

Мы полагаем, что представление о сказках с непременно «хорошим концом» — есть следствие распространения книжек для чтения детям и для обучения чтению детей. Что же тогда в рамках данной статьи мы понимаем под сказками с «плохим концом»? Мы отказались от того, чтобы ориентироваться на собственные впечатления или впечатления других читателей: субъективность усложнила бы методику отбора сюжетов для моего исследования. За основание определения «сказки с плохим концом» мы решили взять формальный критерий: негативный характер события, происходящего с главным героем сказки в завершении повествования. Ориентацию на тип главного героя и характер его поступков Е. М. Мелетинский считал наиболее уместным в составлении жанровой классификации всего фольклора вообще: «В основу дифференциации можно положить сам образ фольклорного героя, особенности центрального героического персонажа» [Русский фольклор, 1960, с. 83]. Таким образом, если положение центрального персонажа, протагониста сказки ухудшается по сравнению с начальной ситуацией (вплоть до его уничтожения или смерти), то такую сказку мы и будем считать сказкой «с плохим концом». Напомним, что определение волшебной сказки В. Я. Проппа, данное в «Морфологии сказки» предполагает окончание сказки ликвидацией начального вредительства или недостачи. Определения других сказочных жанров не зависят от характера концовки, кроме одного вида сказок, сюжет которых должен завершиться «конечной катастрофой» [Пропп, 2000, с. 344]. Это кумулятивные сказки.

II

В России в начале XX в. система начального, среднего и высшего образования охватывала все большие слои населения. Боль-

шую роль здесь сыграли события после Первой русской революции 1905–1907 г., когда в 1908 году по инициативе министра народного просвещения П. фон Кауфмана был утвержден законопроект, в составе которого было положение об установлении начального бесплатного образования. Соответственно, росла грамотность, и все больше людей было охвачено знакомством с учебной литературой. Одновременно возникла и необходимость контроля за такого рода литературой, особенно за литературой для детей. К тому времени среди педагогов сложилось устойчивое мнение, что основы характера человека, влияющие на его дальнейшую жизнь, закладываются в детстве, и немалую роль в воспитании личности играет литературный багаж.

Судя по количеству записей и публикаций, одним из самых популярных фольклорных жанров среди слушателей и читателей по праву можно называть сказку. Фольклористы отмечают, что конец XVIII — начало XIX века в Российской Империи характеризуется всплеском интереса к народной культуре и активным собиранием фольклора [Азадовский, 1958, с. 112–128]. Необходимость чтения, именно чтения, а не рассказывания, сказок детям обсуждалась уже в середине XIX века. В. Г. Белинский считал, что сказки содержат в себе многовековую народную мудрость и могут помочь детям в освоении действительности, и, следовательно, в воспитании. Сказочный мир кажется ребенку живым, одушевленным; элементы фантастики делают детей более заинтересованными слушателями и развивают их воображение и мышление. Важно отметить, что Белинский выступал против всякой литературной обработки народных сказок при публикации [Белинский, 1953, с. 509]. А вот К. Д. Ушинский, также будучи убежденным в необходимости развития детской фантазии при помощи фольклорных сказок, настаивал на редактуре записанных текстов, так как диалектные особенности могут повлиять на развитие речи ребенка [Ушинский, 1948, с. 301]. А. М. Горький в советское время выступал за популяризацию народных сказок среди обыкновенных читателей. Он, как и Ушинский, полагал, что они должны подвергаться тщательному отбору, прежде чем предстать перед детьми. В 1919 году он высказал парадоксальную, но имевшую значительное влияние на советское книгоиздание, мысль о том, что правда действительности должна быть показана ребенку, однако не в полном объеме, потому что «в значительной части она убийственна для него» [Горький, 1968, с. 77].

III

О. А. Лебеденко в своей дипломной работе [Лебеденко, 1973] развернуто и детально описывает состав и структуры сборников М. А. Булатова и И. В. Карнауховой. На примере анализа сказок она показывает, что как бы ни редактировались сюжеты, отдельные детали и речевое выражение, состав сказочных сборников оставался примерно одинаковым. И таковым он остается до сих пор. В состав сказочных сборников для детей и А. Н. Афанасьева, и Булатова, и Карнауховой включены «Колобок», «Теремок», «Глиняный Иванушка», «Коза-дереза». В рамках одного сборника сказки могли идти друг за другом по принципу от простого к сложному, а также сами книги были адресованы составителями разным возрастам. Самыми простыми считались и продолжают считаться сказки о животных, в основном кумулятивные, где детей должны заинтересовать образы животных, а ответственность за удержание внимания ложилась на повторы на уровне формул, звеньев сюжетных цепочек. Более сложными считались волшебные сказки. Сборники, предназначенные для детей старшего возраста, включают в себя сказки с «романтическим» сюжетом и сказки с более «острым» сюжетом.

Изучив состав сказочных сборников, мы видим, как за сто лет (от собрания Афанасьева до советских сборников для детей) сложился канонический корпус народных сказок для детского чтения. Обработка языка и структуры сказки, очистка их от непристойных, простонародных и непонятных выражений приводили к тому, что сказка постепенно из народной становилась литературной, хотя по происхождению и не была авторской.

При составлении и публикации редактированию подвергались язык и сюжет сказки, но ее жанровые признаки и структура (морфологическое строение волшебных сказок или цепевидные конструкции кумулятивных) оставались прежними. В некоторых случаях Карнаухова изменяла сюжетную линию для более оформленной идейной направленности, но фабулу оставляла без изменений (например, в сказке «Семь Симеонов» главный герой-вор был впоследствии заменен на героя-музыканта, и таким образом его облик приобретал более «благородный» характер). На этом этапе возник вопрос: почему в книги для детей даже самого младшего возраста попал «Колобок», «Теремок», «Глиняный Иванушка», «Снегурочка» и прочие кумулятивные сказки? Если мы вслед за Мелетинским определяем жанр посредством характера поступков главного героя, то можно говорить об отдельном типе сказок, в котором с прота-

гонистом происходят негативные события. Почему в этом случае в сборниках для детей, следующих принципу ограждения читателей от «жестокостей» действительности, такое повествование не подвергалось серьезному редактированию?

Представляется, что можно обнаружить несколько факторов, влияющих на устойчивую позицию сказок с «плохим концом» в составе детских сборников для чтения. Прежде всего имеют значение читательские привычки и относительная простота сказочных сюжетов, которая важна, по мнению педагогов, для восприятия слушателями младшего возраста. Еще одной возможной причиной, по которой «Колобка» и подобные ему сказки не исключили из детского чтения, является, на мой взгляд, сосредоточенность «педагогического внимания» на композиционном строении, а не на содержании сказки. И составители (редактор, методист, издатель), выросшие дети-читатели этих сказок, и адресаты их педагогических устремлений, и нынешние дети, концентрируются на структуре сказки, не замечая содержания. Предполагаем, что содержание сказок часто блекнет в тени замысловатой формы. Так «работают» другие детские жанры: колыбельные, над содержанием которых младенец точно не задумывается, считалки-абракадабры и пр.

Итак, мы видим, что устная по своей природе фольклорная сказка, будучи включенной в состав книг для детского чтения, обрабатывалась составителями и редакторам на многих уровнях: на уровне лексики, системы персонажей и пр. Но неизменным оставалось композиционное строение. Внимание детей младшего возраста сознательно заостряется составителями сборников на структуре (а это мы понимаем благодаря принципу, по которому составлен, например, сборник Карнауховой «Жар-птица» — от простейшего «Теремка» до волшебной «Иван-царевич и серый волк»), и именно из нее они должны «вынести уроки». Дети становятся старше, и они уже обращают свое внимание не только на форму, но и на содержание. Развивается абстрактное мышление, способность осознавать и интерпретировать метафоризацию, и тогда акцент для ребенка перестраивается на этическую составляющую. На этом этапе он начинает понимать, как выстраивается иерархия мира. Чье-то «плохо» обязательно будет чьим-то «хорошо» — лиса останется довольной и сытой; когда из Глиняного паренька достанут съеденных им людей, они все будут счастливы от того, что их спасли. Возможно, что слушатель будет переносить ситуацию на себя абсолютно наоборот: получение блага зависит от житейской хитрости и физической силы. А чтобы сохранить это благо, стоит несколько раз подумать,

прежде чем, например, звать к себе жить новое лицо, которое будет доставлять бытовые неудобства.

Моей целью было ввести понятие «плохого конца» сказки, потому что выделение такой особенности трудно не заметить на фоне стереотипа о счастливом окончании сказок, причины возникновения которого я попыталась обрисовать в самом начале. Однако все равно, несмотря на существование альтернативы в виде сказок добрых, с завершением, где все счастливы, при ознакомлении с которыми не испытывается состояние стресса, сказки с «плохим концом» пользуются огромной популярностью.

ЛИТЕРАТУРА

- Азадовский, 1958 — *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1958.
- Белинский, 1953 — *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1953.
- Водовозов, 1968 — *Водовозов В. И.* Словесность в образцах и разборах с объяснением общих свойств сочинения и главных родов прозы и поэзии. СПб., 1868.
- Горький, 1968 — М. Горький о детской литературе. Статьи и высказывания. М., 1958.
- Лебеденко, 1973 — *Лебеденко О. А.* Сборник русский народных сказок для детского чтения. Дипломная работа. ЛГУ, Кафедра истории русской литературы, 1973 (на правах рукописи). Хранится в Фольклорном Архиве СПбГУ.
- Пропп, 2000 — *Пропп В. Я.* Русская сказка. М., 2000.
- Русский фольклор, 1960 — *Мелетинский Е. М.* О генезисе и путях дифференциации эпических жанров // *Русский фольклор.* 1960. С. 81–101.
- Сиповский, 1911 — *Сиповский В. В.* История русской словесности: учеб. руководство для уч-щ и гимназии. СПб., 1911.
- Ушинский, 1948 — *Ушинский К. Д.* Советы родителям и наставникам о преподавании родного языка по учебнику «Родное слово». М.; Л., 1948.